

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Владимир БОКАНОВ

ХРОНИКИ АРТА.
ДВАЖДЫ МЕЧЕННЫЙ

Роман

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б78

Серия основана в 2004 году
Выпуск 566

Художник
С. А. Григорьев

Боканов В. С.
Б78 Хроники Арта. Дважды меченный: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 311 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1942-5

О чем может мечтать нормальный российский студент, запоем читающий фэнтези и регулярно делающий онлайн-квесты по уничтожению всякой нечисти? И мог ли подумать Артем, что единственной, шутливо брошенной фразы с лихвой хватит, чтобы перенести его в самую гущу событий одного из самых удивительных параллельных миров?

Хмурые иберийцы и высокомерные арлинги, величественные драконы и свирепые крастеры... Это лишь малая толика из поистине обширного списка чудес, с которыми юноше теперь предстоит столкнуться.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Боканов В. С., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015
ISBN 978-5-9922-1942-5

ПРОЛОГ

Когда укроют небо тучи
И бледным станет солнца диск,
Услышим мы из недр планеты
Противный, резкий, жуткий писк.
Вздохнет земля, как мать, устало,
И на поверхность в тот же миг
Со скрипом ржавого металла
Явится миру страшный лик.
Густая грива, плоский профиль,
Покрыты слизью два крыла.
Зачем, земля, скажи на милость,
Ты тварь такую родила?
И слышу я ответ бесстрастный,
Он бьет по нервам, словно ток:
— Тебе ниспослана погибель,
Порвали мойры твой моток¹.

У нас множество обличий и еще больше имен. Одних причисляют к демонам, другие по праву занимают место среди сонма великих богов. Истинные наши имена давно уже стерты из памяти живущих прошедшими зонами лет. Могущество, дарованное нам единым творцом, имеет свои жесткие правила и свои незримые границы. Обреченные на бесконечное и порой

¹ Здесь и далее в романе использованы стихи автора.

бессмысленное существование, с навечно забытыми понятиями о добре и зле — такими предстаем мы перед бездонной пропастью времени.

Единственным, что удерживает наше хрупкое сознание от безумия и неминуемого развоплощения, является жажда. Жажда созидания и разрушения. Одни стирают целые миры, играя мириадами жизней с жестокостью малого ребенка. Другие предпочитают делиться со смертными толикой своей бьющей через край силы, с интересом наблюдая за постепенно набирающими обороты витками истории. Ты можешь не подозревать о нашем существовании или просто не верить в нас, только это ничего не меняет. Мы те, кто мы есть, и, быть может, однажды наши морщинистые пальцы бесшумно коснутся нити твоей жизни.

Артем

Если бы случались в мире чудеса
И с богами люди жили наравне,
Я бы стал кентавром, хоть на полчаса,
Или птицей феникс
В золотом огне.
Если бы вернулись древние века,
Смелые дуэли, острые клинки,
Если б чудесами брызгала река,
Я б ковчег построил из одной доски.
Старые надежды, тщетные попытки...
Ах, каким волшебным мог быть этот сон,
Если бы однажды на цветной открытке
Мне привет послали лики из икон.

— Да чтоб тебя!.. — Артем изо всех сил врезал кулаком по дверце шкафчика в раздевалке. Обидно было просто до слез. Второе место при таком нелепом проигрыше... А ведь когда федерация объявила о временном объединении текущих соревнований по дзюдо, которым вот уже несколько лет активно занимался молодой человек, и самбо, он ни капельки не усомнился в своих силах. Бросок, как говорится, он и в Африке бросок. Только вот про наличие в арсенале самбистов болевых приемов на ноги в пылу схватки Артем как-то позабыл. Рефлексы, будь они неладны.

Он бросил косо́й взгляд на потертое, чуть запотевшее зеркало. Оттуда исподлобья на него уставился среднего роста крепко сбитый русоволосый синеглазый парнишка лет этак двадцати — двадцати двух. Мокрый короткий ежик, шея в свежих кровоподтеках, поджарый мускулистый торс — результат совмещения борьбы и тренажерного зала да татуировки на обоих плечах — предмет особой гордости придавали отражению довольно живописный вид. Родители, правда, когда узнали о тату, чуть в обморок не упали. Ярые противники любой росписи по телу, они не понимали стремления молодежи украшать себя мистическими узорами. Вот только их сын, с детства упрямый, думал иначе. Полтора месяца терпения — и вуаля. На правом плече красовалась голова филина, а с левого яростно скалился леопард. Как говорили партнеры по компьютерным играм: «Это явно плюс десять к мудрости, а также плюс пятнадцать к силе и скорости».

Одевшись и привычно проведя пятерней по стремительно высыхающим волосам, Артем с улыбкой вспомнил о своей старшей сестре. Леркины ежедневные укладки отнимали у нее намного больше времени и сил.

— Эх, Лерхен, Лерхен, — частенько сетовал их дедушка по отцовской линии, разглядывая очередную порцию селфи, выложенную легкомысленной внучкой в Интернет. — Волос долог, да ум короток. А брат твой — тот и вовсе ходит разрисованный похлеще по пугая. Тьфу, позорище.

Впрочем, Артем, как никто другой, знал, что за этим постоянным брюзжанием дед безуспешно пытается скрыть свои истинные чувства, испытываемые им к обоим внукам. Сестра тоже не выглядела огорченной, терпеливо выслушивая нравоучения от любимого родственника.

«А вот по поводу второго места на областных соревнованиях конечно же съязвит». — Артем недовольно поморщился, выйдя из широко распахнутых дверей местной ДЮСШ.

Улица встретила его весенним солнышком и суматошным чириканьем пернатых. Редкие мутноватые лужицы постепенно высыхали под легкими дуновениями ветерка. Снующие туда-сюда, как будто гигантские муравьи, автомобили наполняли город смесью удушливой вони и копоти, заставляющей еще больше морщиться и без того невеселых пешеходов. Застегнув косуху и поправив спортивную найковскую сумку на плече, молодой человек направился напрямик к ближайшей автобусной остановке. Новенькие «казаки», купленные на Арбате за бешеные для простого студента деньги, бодро шуршали прошлогодней листвой. Двигаясь слегка на автомате по годами проторенной дорожке, он позволил себе почти полностью погрузиться в этнические, дергающие за душу аккорды, звучащие из небрежно всунутых в уши наушников. Не дойдя всего несколько метров до пешеходного перехода, Артем краем глаза увидел на проезжей части скрюченную фигурку с клюкой и стремительно приближающийся к ней автобус, который, похоже, совсем не собирался тормозить. Позже молодому человеку казалось, что время будто остановилось, навсегда запечатлев в юношеской памяти яркую картину. Раскрытые от удивления глаза старушки, перекошенное лицо водителя, явно матерящегося и отчаянно пытающегося в последнюю секунду свернуть, и его, Артема, восьмидесятикилограммовая тушка, словно пушечное ядро сносящая женщину с проезжей части.

— Вы как, бабушка? Не зашиб? — с тревогой произнес он.

Старушка молчала, крепко прижимая к груди боль-

шой пушистый клубок сиреневых ниток. Тогда молодой человек с легкостью приподнял ее казавшееся невесомым тельце, а потом бережно опустил на стоящую неподалеку скамейку.

— Погодите, я сейчас «скорую» вызову.

Морщинистые, но не по-старчески сильные руки остановили его.

— Не надо, милок, все в порядке, отдышусь только.

— Что ж вы, бабушка, на дорогу-то совсем не смотрите? Так и до беды недалеко.

— До беды всегда недалеко, — прозвучал неожиданно спокойный и туманный ответ. — Ты, милок, не сердчай. Задумалась я. С кем не бывает... А тебе спасибо. Чем бы тебя отблагодарить?

— Да бог с вами, — возмутился Артем, пытаясь скрыть неловкость. — Какая благодарность, живы остались — и ладно.

— Ну не надо, так не надо. Хотя... — Узловатые пальцы начали медленно крутить клубок, по-видимому, выискивая запутавшийся кончик нити. — Есть у тебя мечта?

— О чем может мечтать нормальный российский студент, запоями читающий фэнтези и регулярно проходящий онлайн-квесты по уничтожению всякой нечисти? — попытался отшутиться парень. Кто же на такие серьезные вопросы с ходу отвечает?..

— А-а-а, — улыбнулась старушка, — воин света. Не самая плохая идея, знавала и похуже. Ты иди, милок, иди, — подтолкнула она клюкой Артема в направлении его прежнего движения, — жизнь дли-и-инная, интересная. Глядишь, что-нибудь да сбудется.

— Да что там может такого сбыться, — только и успел он усмехнуться, не глядя отступая назад, как вдруг услышал резкий визг тормозов.

«Вот черт, на те же грабли наступил!» — мелькнула

последняя суматошная мысль. Потом была вспышка яркого, невыносимо слепящего света и последовавшая за ней давящая темнота.

Он стремительно парил над сумрачным лесом, бесшумно рассекая крыльями пряный от запахов воздух. Несмотря на то что лишь тусклые огни далеких звезд безуспешно пытались осветить землю вокруг, его глаза могли разглядеть внизу все до мельчайших деталей. Лес как будто жил своей, полной событий, жизнью.

«Вот заяц притаился среди высокой травы, вот лисица охотится на мышей, а вот крадущийся в кустарнике крастер... Стоп, кто такой крастер?» Опять вспышка света и спасительная тьма...

Голова болела ужасно. Тошнило. Окружающие предметы были видны довольно смутно, как будто плавали в плотной, белесой дымке. Так плохо Артему было лишь однажды, когда на первом курсе медицинского, не привычный к спиртному, он перебрал на одной из вечеринок. Отпаивала и опохмеляла его тогда Наташка из параллельного потока. Впрочем, молодой организм быстро справился с последствиями первого серьезного возлияния. Чем Наташка, кстати, тогда и воспользовалась. Хотя дальше отношения и не сложились, об этом времени Артем всегда вспоминал с удовольствием.

«Эх, где же ты, Ната, со своими народными методами? Так! А что вообще случилось и где я?»

Помотав головой, на что желудок отреагировал новой волной тошноты, Артем попытался воспроизвести последние воспоминания: соревнования, второе место, автобус, старушка, опять автобус... Дальше все обрывалось.

«К черту, потом разберусь, сперва надо осмотреться».

Артем лежал на берегу какой-то незнакомой речушки. Песчаный берег всего через десяток шагов сменялся густым темно-зеленым ельником, сквозь верхушки которого виднелись покрытые снежными шапками горы. Солнце палило не по-весеннему сильно.

Невероятно! Пытаясь увериться в реальности происходящего, парень даже ущипнул себя за локоть. Но ничего не изменилось. Скинув косуху, он подполз к берегу, умылся прохладной водой и почувствовал себя немного лучше. Тело постанывало, но явных признаков повреждений нигде не было.

«Так, надо взглянуть на мобилу, хоть «один один два», если что, набрать».

Но карманы оказались девственно пустыми.

«Ох, бабуля, — мелькнула вялая мысль, — куда ж ты меня забросила?»

В том, что все случившееся является проделками спасенной старушки, он даже не усомнился. А как еще? Большинство героев из раскрученных заокеанских фильмов, попав в подобную ситуацию, подозрительно легко находят дорогу, ведущую к цивилизации. Складывается впечатление, что всех их прямо-таки с пеленок обучают азам выживания в экстремальных условиях. В реальности же юноше пришлось крепко задуматься, чтобы определиться даже с такими простыми вещами, где север, а где юг. Да и вообще, тревога и беспокойство о близких (что они подумают, когда не дождутся Артема домой?) давали о себе знать. Но в этом вопросе парень был не в силах что-то изменить, да и более насущные проблемы замаячили на горизонте...

— М-да, ситуевина. Путешественник из меня никакой, но стоять на месте тоже не дело, так и помереть с

голоду недолго, — невольно вслух обозначил Артем основную сложность.

В животе согласно квакнуло.

— Ладно, пойду вдоль реки, а там, глядишь, и на жиле набреду или, на худой конец, проплывет мимо кто.

Пройдя пару-тройку километров и не обнаружив никаких признаков человеческого (или кто тут еще?..) присутствия, Артем совсем было приуныл. К подобным приключениям он явно был не готов. Мелькнула шальная мысль поорать всласть.

«А почему бы и нет? — решено было после недолгого раздумья. — Если не услышит кто, так хоть напряжение скину». Набрал в легкие воздуха, и понеслось:

— Ау-у-у!!! Люди добрые, есть кто живой?!

Эхо разносилось волнами, ласточкой мечась по песчаному берегу. Раздавшийся поблизости треск кустарника Артем изначально посчитал хорошим знаком, наскоро прикидывая, что будет «втирать» местным грибникам или кто там еще на помощь ломится. Но внезапно на песок выскочило нечто напоминающее огромного медведя, скрещенного с динозавром. Покрытое черной свалывшейся шерстью, оно имело настоящий чешуйчатый панцирь, идущий вдоль позвоночника от длинного, дергающегося из стороны в сторону хвоста до крупной клыкастой головы, которую венчали два небольших заостренных нароста. Похожие экземпляры могли существовать разве что в виде иллюстраций к какой-нибудь фантастической книге, а в реальной жизни наводили на мысль о помутнении рассудка. Хотя книгами здесь как раз и не пахло. Вид чудовища вкупе с утробным рычанием не оставлял никаких сомнений о его плотоядных намерениях. Выброс адреналина — и организм молодого человека отреагировал на развернувшуюся перед ним картину довольно-таки странно. Вместо того чтобы

банально обделаться и броситься бежать, юноша ощутил отчетливое жжение в области левого плеча.

Любой мало-мальски разбирающийся в своем ремесле тату-мастер знает, что правильно заживающий рисунок спустя некоторое время обязательно должен немного чесаться. Поэтому клиентов заранее предупреждают о том, что им ни за что не следует ковырять зудящее место. В первые несколько дней испортить кропотливую, многочасовую работу художника особенно легко. А вот исправить вызванные подобной самодеятельностью проблемы ой как не просто. Гораздо проще запастись терпением на несколько дней, хотя руки порой сами тянутся дотронуться до свербящего рисунка.

Все это было известно Артему, однако в тот момент он меньше всего думал о своих наколках. Рефлекторно юноша почесал плечо, и в этот момент тварь прыгнула. Прыжок был странным. Начало было быстрым, почти неуловимым, но в самом конце полет как будто слегка замедлился, и молодой человек успел ухватиться за бугристые наросты на панцире монстра. По ощущению обрушившейся на него тяжести Артем понял всю безнадежность попытки одолеть невиданную зверюгу и в ужасе зажмурил глаза. Зажмурил, чтобы через мгновение вновь распахнуть их со все возрастающим изумлением. Его ноги почти по колено зарылись в раскаленный от солнца песок, мышцы напряглись, однако тварь, нависшая над ним, впустую щелкала своими острыми саблевидными зубами, пыхтя и сотрясаясь в тщетных попытках дотянуться до своей добычи.

Сколько длилось это противостояние, Артем не ведал, ибо в такие моменты время течет для всех по-разному. В какой-то момент он всем телом ощутил вибрацию тупого чавкающего удара, в лицо плеснуло кро-

вью, блеск красноватых глаз монстра потух, и молодой человек последним усилием отпихнул в сторону громадную, содрогающуюся в предсмертной агонии тушу. Сил оставалось только на то, чтобы, выбравшись из песка, отползти в сторону и оглядеться. В паре шагов от него стояло существо, при виде которого в голове молодого человека одновременно промелькнули сразу две мысли: «ролевик» в костюме средневекового воина» или... «настоящий, взаправдашний гном». Коренастый, ростом где-то метр сорок, незнакомец был одет в подобие кожаных доспехов с поблескивающими металлическими нашлепками. Шлем а-ля бацинет с наносником довольно органично смотрелся на суровом бородатом лице с горделиво приподнятым армянским носом. В руках воин сжимал огромный молот, который был на четверть больше своего хозяина. Тем не менее лежащий рядом мертвый хищник служил безмолвным доказательством умения гнома пользоваться своим оружием.

— Спасибо, — просипел Артем.

Гном горделиво смерил его снисходительным взглядом и ответил ожидаемо густым басом:

— Ни за что не решился бы приблизиться к крастеру на расстояние удара, слишком быстрые, заразы, да уж очень удобно вы стояли. Впервые вижу, чтоб эту зверюгу голыми руками сдержать удалось. Ты, верно, силой немереной славен?

— Да какой там силой, выше комэсэк в пауэрлифтинге так и не поднялся, — вздохнул, вставая, молодой человек.

— Ну-ну, — ухмыльнулся незнакомец, — не хочешь, не говори. Мы не шибко любопытные.

— Нечего мне скрывать, — в сердцах бросил Артем, — скорее всего, тебя сейчас расспрашивать придется.

С этими словами он дрожащими руками стянул с себя футболку, насквозь пропитавшуюся кровью крастера.

— Вот черт! Теперь замучаюсь отстирывать!

Реакция гнома на эти действия молодого человека была неожиданной. Он вдруг поперхнулся и тяжело бухнулся на одно колено, прижав правую руку к груди и униженно склонив голову.

— Простите мою дерзость, ваше величество, — прогудел он испуганным голосом.

— Какое такое величество? — изумился Артем. — Совсем рехнулся? У меня в роду одни пролетарии. Голубой крови там взяться неоткуда.

— Не смейтесь надо мной, ваше величество, — продолжал надрываться гном.

— Да что за чушь ты несешь?

Озадаченный вопль Артема прервал поток этого чрезмерно бурного самоистязания.

— Да как же, — растерянно пролепетал незнакомец, — а метки?

— Какие метки? — Юноша, проследив направление взгляда гнома, мельком взглянул на свои татуировки и вскрикнул от неожиданности. Рисунки теперь выглядели совершенно по-другому. Их линии стали более отчетливыми, объемными, приобрели необычайную глубину и резкость.

«Как будто на 3D-принтере отпечатаны», — закралась в голову случайная мысль. А главное, на левом плече картинка временами меняла окраску от иссиня-черного до ярко-красного цвета и обратно.

«Это плечо у меня зудело перед схваткой с чудовищем, — машинально отметил Артем, наблюдая как всполохи красного постепенно затухают, сменяясь уже постоянной чернотой. — Ладно, хоть теперь оба

плеча одинаково смотрятся», — подумал он и перевел взгляд на своего спасителя.

— Ну, что уставился? Да, рисунок немного необычный. Но это же не повод для паники?

— Вы что, и вправду ничего не понимаете? — Голос гнома стал более требовательным.

— Пожалуй, ничего, — пришлось признать Артему.

Воин замысловато выругался, поднимаясь с колен:

— Позвольте представиться. Ошган Полбочки.

— Почему Полбочки? — невольно заинтересовался молодой человек.

— Ну, — гном замялся, — влезает в меня столько.

И он похлопал себя по отчетливо выделяющемуся даже через плотный доспех брюху.

— Чего влезает? — не унимался Артем.

— Да хоть чего, — рявкнул Ошган, но, видно, сообразив, что не стоит повышать голос на человека, которого сам только что величал королем, добавил: — Предпочитаю эль, однако. А вы кто будете, сир? И почему вы утверждаете, что ничего не понимаете в том, о чем каждый попрошайка в Аркосе знает?

— Ну как тебе сказать... — Юноша почесал затылок. С одной стороны, он, несомненно, был обязан гному жизнью, с другой — вид у нового знакомого был весьма и весьма разбойничий. В итоге компромиссом между благодарностью и осторожностью стало решение озвучить лишь малую часть правды, не вдаваясь в подробности. — Помог я тут одной бабульке, а она в благодарность сюда меня закинула. Причем куда именно попал, я и не ведаю.

— Хм... — Гном запустил пятерню в свою окладистую бороду. — В благодарность, говоришь?

— Да сам знаю, — поморщился Артем, — что нескладно выходит. Но как было, так и рассказываю. Ты лучше скажи, где я очутился. И что это за зараза, — он

бросил взгляд на лежащую поблизости тушу, — мной позавтракать решила? Я таких даже в «Энимал Плэнет» не видел.

— Да, — пробасил Ошган, — зверюшка действительно редкая. Я много про них слышал, но видеть только двоих довелось, на арене Веспа. А уж сразить такую и не мечтал даже. Когда-то веспийцы разводили их для усиления своих легионов, но после битвы при Парвусе на территории империи в живых осталось не более двухсот — трехсот крастеров. — Продолжая свое повествование, гном вытащил из сапога нож и принялся деловито отделять голову крастера от туловища. — Знатная, говорят, была битва. Арлинги здорово тогда веспийцев потрепали, хоть и сами кровью умылись. Один из помеченных Ланой ушастых травы тайные ведал. Ежели сжечь такую травку, то дым от нее с легкостью губит крастера. А ветер тогда аккурат в сторону когорт Веспа задувал. Те, правда, тоже молодцы, не запаниковали, хоть и потеряли разом почти треть войска. Стояли насмерть. Все там и полегли. Не было в том бою победителей и побежденных. Даже меченые с обеих сторон пали. С тех пор веспийцы к арлингам больше не суются, ну это если не считать пары-тройки раз. Пытались при Валдоре Беспалом, так, для пробы, малыми когортами, но не слишком успешно. Хотя мой прадед тогда много мечей из похода привез. Даже мне из тех трофеев клинок по наследству достался.

Гном повернулся, демонстрируя короткий меч в запястных ножнах, очертаниями напоминающий древнеримский гладиус.

— Конечно, с молотом-то оно сподручнее, но хороший клинок завсегда тебя в бою выручить может. Если на меченого, конечно, не нарвешься.

— А кто такая эта Лана и что за меченые, о которых ты все время упоминаешь? — перебил он рассказчика.

— Богиня она, — ухмыльнулся гном. — А про меченых ты, пожалуй, больше моего знать должен, ибо сам им являешься.

— В смысле? — не понял Артем.

— Ох, — вздохнул Полбочки. — Видно, действительно издалека ты, парень, явился, коль даже про свою удачу не ведаешь. Ну, так и быть, расскажу, что знаю. Только лучше в дороге нам продолжить. Дотемна к жилью выйти надобно, а тебе, я так понимаю, все равно, в какую сторону топать. — С этими словами гном закинул мешок с головой крастера на плечо и бодро посеменил только ему ведомым путем.

Недолго думая, Артем пристроился следом.

— Так как мне называть тебя? — пробасил через плечо Ошган.

— Зови Артом Невредимым, — откликнулся парень, решивший и дальше придерживаться стратегии полуправды.

— Ну, Арт, тогда слушай. Веспийцы, арторианцы и мы, жители Иберии, молимся разным богам. Но все мы, включая гордых арлингов, одинаково почитаем богиню Лану. Ибо следствия ее деяний мы ежегодно видим своими глазами.

Тут гном чуть замешкался, пробираясь сквозь густые заросли черной малины. Доносившееся из-за высоких кустов чавканье неоспоримо свидетельствовало о крайней степени занятости рассказчика. Молодой человек не упустил момента и присоединился к неожиданному пиршеству. Спустя десять минут Ошган наконец выбрался наружу, отряхнул с бороды налипшую паутину и продолжил:

— На самой вершине Ирикона, что в Соганийских горах, стоит храм. В его глубине сверкают Огненные врата, закрывающие вход к чертогам Ланы. Центральную часть святилища занимает гигантская каменная

колыбель. Раз в году, ближе к середине лета, врата открываются. Пройти сквозь них сможет лишь один из шести избранных, таковы правила. Принеся молитву богине, он ложится в колыбель, где сразу же засыпает. На следующий день врата вновь открываются, каждый раз являя нашим народам новое чудо. Все хвори и увечья избранного богиней исцеляются без следа, но не это главное. На плече счастливчика появляется рисунок, проще говоря — метка, символ неких способностей, обретенных в эту ночь. Они раскрываются постепенно. Порой для завершения требуется всего лишь день, а бывает, что дар набирает силу в течение полугода. Сам понимаешь, цена таким способностям велика и получить их под силу немногим. Только императоры, короли и первые воины государств могут позволить себе стать мечеными. И дело даже не в трудном и опасном переходе через горы. Тропинок там немало, но все они сходятся у подножия Ирикона. Там избранные должны провести ночь перед восхождением, моля богиню о милости. Делиться, естественно, никто не хочет, и поэтому заведомо слабый или не собравший достаточного количества защитников претендент будет попросту убит остальными конкурентами. Да и потом, попасть в число избранных — это полдела, надо еще вернуться живым из похода. Выходящий из чертога здоров, но в течение нескольких дней немощен как младенец. Естественно, те, чье место он дерзнул занять, могут попросту прикончить наглеца. И дар богини тут не поможет, ибо просто не успеет проявить себя в полной мере.

— Неужели ни один правитель не попытался завладеть горой? — прервал юноша рассказ гнома.

— Ну, во-первых, в те горы по-настоящему большую армию не затащишь. Да и провиант доставлять надо, не растет там ничего путного, даже летом. А во-вторых,

врата никогда не пропускают жителей одного государства два раза подряд. Вот и выходит, что проще договориться, чем войны устраивать.

— Скажи, любезный Ошган, а почему ты меня именно за величество принял?

— Тут такое дело... — замылся гном. — Есть два цвета меток. Красный, он всегда на левом плече появляется, и золотистый, правое плечо украшающий. Но никогда, никогда я не слышал о черных метках, да еще на двух плечах сразу. Не бывало такого. Вот я и решил, что лишь с королем, императором или каганом такое случиться могло. Четыре дара сразу, не шутка.

— Почему четыре? — не понял Артем.

— Цвета бывают двух оттенков, — пояснил гном, — ярче и тусклее. Яркие всегда дают два дара, тусклые — по одному. Два дара встречаются значительно реже. Ты что-нибудь необычное в плечах не ощущаешь временами?

— Зудело левое сильно, когда крастера увидел. Думал, от страха, — поежился Артем, вспоминая. — Хорошо, что под конец прыжка тот слегка притормозил, иначе не поспеть бы мне за ним было.

— Это крастер-то притормозил? — развеселился Ошган. — Держи мошну шире! Убивают они всегда быстро и без особых раздумий. В плотном строю да с тяжелыми копьями одолеть такого еще можно, надо только знать, куда бить. А один на один — это верная смерть. Ты, Арт, необычайно силен и быстр, и зуд чувствуешь только в одном плече. Вот и выходит, что два дара слева уже проснулись, а правые не готовы еще. Давно меченым стал?

— Месяцев пять как набил, — прикинул Артем. — Правда, выглядело все тогда немного иначе.

— Ну, — авторитетно поднял палец гном, — тогда ждать немного осталось.

Ругар

Король Ругар Последний не спал. Тишину его опочивальни лишь изредка нарушали входившие каждые полчаса слуги, почти бесшумно сменявшие факелы, напитки и свечи. Склонившись над массивным каменным столом, заваленным полураскрытыми свитками, государь неторопливо прихлебывал из гигантского витого позолоченного рога, сплошь покрытого тонкой вязью рун и древних символов. Заслышав раздавшийся за резной дубовой дверью шум, он слегка нахмурился, откинул со лба прядь черных волос и негромко сказал:

— Пусть войдет.

Дверь распахнулась, и в комнату влетел плотный рыжеволосый гном, отчаянно ругавшийся сквозь стиснутые зубы. Приземистый, покрытый многочисленными шрамами давних сражений, он словно сошел со страниц летописи, повествующей о грозных воителях прошлого. Глубоко посаженные карие глаза пылали едва сдерживаемой яростью. Из-за правого плеча торчала рукоять усыпанного драгоценными камнями меча.

— Спокойнее, Кормак, — проворчал король, присаживаясь. — Ты же знаешь Дрофана. Он без моего слова никого не впускает.

— Когда-нибудь я разрублю эту скотину, клянусь Артасом! — прорычал рыжеволосый.

— Всею свое время. Пока я король Иберии, ты будешь исполнять мою волю, брат, а Дрофан Неспящий мне нужнее тут, чем в чертогах Вардана.

Властный голос повелителя, похоже, не произвел на собеседника абсолютно никакого впечатления. Кормак, по своему обыкновению набывчившись, смотрел снизу вверх на младшего брата. Было время, когда их различали только по цвету волос, пока Огненные

врата не сделали свой выбор. Выбор пал на Ругара. Он получил свою метку, а чуть позднее — и свою корону. Отныне на его левом плече алел знак мамонта, сказания о которых еще помнили некоторые жрецы. Этот знак принес ему два дара. Но если умение навсегда фиксировать в памяти любые события, которых касался его взор, не раз спасало Иберию, то второй дар со временем стал для короля настоящим проклятием. Он правил страной гномов, а сам вырос в огромного трехметрового воина. Ни одна женщина Веспы не могла разделить с ним ложе. Так он получил свое прозвище — Последний.

— Послы веспийского императора должны прибыть со дня на день.

Гнев в глазах Кормака сменился одному ему понятной задумчивостью. Он вообще был склонен к резким переменам настроения. Не многие отваживались сидеть на пиру рядом с ним. Одно неосторожное слово или неправильно истолкованный жест — и собутыльник уже захлебывался в луже собственной крови. Поэтому место справа от него почти всегда пустовало, а слева возвышался, подобно гигантскому каменному изваянию, сидевший на вытесанном из цельного куса малахита троне король. Являясь единственным оставшимся в живых близким родственником и к тому же одним из лучших военачальников Иберии, Кормак мог себе позволить многое. Ругар, обычно жестоко пресекающий любое неповиновение, по лишь одному ему понятным причинам сносил все безумства старшего брата. Казна исправно платила за убитых, сводя на нет малейшие признаки недовольства подданных.

— Да... — Правитель отвел взгляд от брата. — Скоро очередной поход избранных. Едут договариваться. Который год одно и то же. Неужели они забыли, что

случилось после резни при Ириконе? Так я могу напомнить.

Триста лет прошло с той поры, когда каган Артории Корвуд Лживый, используя свой дар туманить разум собеседника, стравил между собой прибывших в храм Ланы избранных Арлинга и Веспа. Ему тогда осталось только добить немногих выживших. И подошли к Огненным вратам шестеро арторианцев. И выбран был единственный сын Корвуда — Намшир. Когда наследник вышел, на его левом плече красовалась обычная степная мышь. Дар был божественно точен и чудовищно жесток. Намшир прожил короткую бессмысленную жизнь, свойственную грызунам, а кагану оставалось лишь наблюдать, как за полтора года румяный пятнадцатилетний юнец покрывается морщинами... Перед смертью Намшир перестал узнавать даже родного отца.

К тому же эльфы и веспийцы, объединенные общей ненавистью, собрали грандиозную по тем временам армию и вторглись в пределы Артории. Это был единственный раз, когда легионы Веспа и стрелки Арлинга дружно выступили на одной стороне. В той войне Корвуд Лживый был убит, а его брату пришлось почти разорить каганат, чтобы расплатиться за кровь, пролитую своим недалеким родственником, и остаться на троне. Впрочем, и это не спасло его в дальнейшем. Озлобленные жестокими поборами ханы отравили последнего истинного кагана Артории. С тех пор в стране кочевников не утихают распри между постоянно грызущимися за власть ханами. Многие из них пытались объявить себя каганами, но никому пока еще не удалось сплотить под своими знаменами все без исключения племена.

Ругар отхлебнул из рога и выплеснул остатки в

ярко пылающий камин. Оттуда донеслось недовольное «пш-ш-ш».

— Император, видимо, сошел с ума, если думает, что, объединившись, мы сможем обвести богиню вокруг пальца. Хотя я понимаю, почему он так настойчиво шлет послов именно ко мне. Арторианцы хорошо помнят ошибку Лживого, а арлинги с людьми почти не торгуют. Какие уж тут договоры. Ладно. — Король поднялся во весь свой могучий рост. — Примешь послон как обычно, в Хрустальном замке. Охрану и прочее доверяю тебе. — С этими словами он снова припал к рогу, не заметив, как в полумраке с ненавистью блеснули глубоко посаженные глаза рыжебородого. Иначе король обязательно бы это запомнил.

— А теперь оставь меня, Кормак. И помирись ты уже с Дрофаном, ради всего святого. Вы оба понадобятся мне на следующем Совете пятнадцати, живые, невредимые и способные к здравым рассуждениям. На этом все. Если понадобится, ищите меня в Главном храме.

Допив последние капли вина, его величество рыгнул и, совсем не по-королевски пустив ветры, вышел в сопровождении десятка хорошо вооруженных стражников. Проходя сквозь огромные, увешанные всевозможным оружием залы, Последний слегка улыбался. Он любил тот размах, с которым гномы упорно веками строили замки, чьи своды во много раз превосходили даже его внушительные размеры. Над этой чертой, бывало, потешались высокие, даже по людским меркам, арлинги. Зато король благодаря подобным постройкам не так болезненно ощущал свой дар. Именно поэтому ему так нравилось бывать на Великой стене. Это была мечта всей жизни. Вторая после юношеских грез о колыбели Ланы, которые сбылись так неожиданно и неоднозначно.

Иберия издавна занимала особое положение. С запада и востока королевство было защищено горными поясами, непроходимыми для любых армий. Северные края омывало Варданское море. За ним, по легендам, возвышался замок самого Вардана, бога над богами. В его стенах после смерти вечно пировали грозные воители. Им прислуживали, исполняя любые прихоти, женщины, потерявшие свою честь еще при жизни. Другой, столь же прекрасный, замок уходил глубоко под воду, там правила супруга Вардана, владычица Дитра. В нем, как в зеркальном отражении, так же были победители и слуги. Только повелевали там женщины, а прислуживали им отбросы, недостойные внимания царя богов.

Волю Вардана исполняли два его сына: Нардик, Повелитель Ветров, и Артас, Извергающий Огонь. Устами Дитры говорили дочери: Трая, Потрясающая Землю, и Винта, Играющая с Водой. Легенды легендами, но до тех краев никто никогда не доплывал, а рискнувшие отправиться туда мореплаватели возвращались ни с чем, не добравшись до места. Они рассказывали о ледяных преградах, свирепых ветрах и морских чудовищах, охраняющих подступы к чертогам богов.

Единственным слабым местом королевства был юг. Там проходила граница с тремя государствами: Веспом, империей арлингов и землями арторианцев. Веками предки иберийцев отражали набеги из Артории и сдерживали все возрастающую мощь веспийцев. И дело было не только в территории и рудниках, но и в некоторых иных богатствах. В прибрежных водах Варданского моря опытные ныряльщики добывали талинид — особых мягкотелых животных. Их плоть служила основой бальзама Аркоса, сравниться с которым не могли никакие другие целебные мази и кремы. Любая, даже самая глубокая рана, густо смазанная им,

заживала в несколько раз быстрее, почти не оставляя после себя следов. Гномы, отлично понимая ценность талинид, довольно ревностно следили за тем, чтобы весь улов попадал прямо к королевским жрецам. Цена такого товара была немалой даже в Иберии, а за ее границами достигала порой заоблачных высот. Многие императоры Веспы пытались сломить непокорных гномов. Иногда от захвата Иберию спасало лишь то, что веспийцы, слишком полагаясь на мощь и выучку своих легионов, долгое время воевали с несколькими противниками сразу, успевая попутно подавлять постоянно вспыхивающие восстания в собственных же провинциях.

Отлично помня об опасных соседях, Ругар еще в юности задумал совершить неслыханное. В первый же год своего правления он повелел возвести Великую стену. Только гномы, непревзойденные строители, могли в считанные годы создать то, на что любому другому народу понадобились бы сотни лет. Высотой около десяти метров, сложенная из огромных кусков гранита и известняка, эта стена простиралась от Соганийских гор, проходя через все королевство, напрямик до горного пояса, именуемого Красным. Только один участок оставался еще недостроенным. Несколько десятков миль все еще отделяли короля от заветной цели.

«Ничего, пройдет год, максимум два — и последний камень положит начало новой странице в жизни Иберии, защитит страну от загребущих рученок Гнея Великого и вечно голодных орд Артории», — с этой мыслью Ругар, по привычке слегка пригнувшись, вступил в Главный храм Аркоса. Навстречу ему, перебирая грубыми пальцами рубиновые четки, неторопливо вышел Трай Огненный. Преданный служитель богов и левая рука короля, старец был единственным

гномом, казалось, поборовшим само время. Вот уже несколько сотен лет он являлся верным псом королевства. Взгляд его серых глаз оставался по-прежнему внимательным, ум — все таким же ясным и цепким, а ярко-красные волосы не тронула седина, словно жрец бросал вызов прожитым столетиям.

— Я ждал тебя, государь. — Звучный голос отразился от стен храма.

— Как, впрочем, и всегда, — немного помедлив, ответил Ругар. — Что ж, тогда ты знаешь, зачем я здесь.

— И это мне ведомо, ваше величество. — Жрец чуть склонил голову.

— Так не тяни время, у меня его явно меньше твоего, — проворчал король. — Что говорят руны? Довольны ли боги содеянным мною?

— Боги отвечают не на все наши вопросы. Иногда они просто забывают о нас на мгновение, только их мгновение может длиться вечно, а иногда дают знаки, которые трудно понять нам, простым смертным. Мои видения, государь, были весьма отрывочны и неясны. Смысл их ускользает от меня. Знаю одно: скоро Иберию ждут новые испытания. Моря крови и пота прольются, прежде чем будет уложен последний камень Великой стены.

— Что ты мелешь, старик?! — вскричал король. — Какие моря крови? Артория сейчас сама обескровлена, арлингов никогда не интересовал захват Иберии, а Гней Великий уже который год шлет послов с заверениями в дружбе и просьбами о военном союзе!

— Вот это-то и странно, ваше величество. Империя, пожалуй, сейчас так же сильна, как была до битвы при Парвусе. И тем не менее впервые так явно ищет дружбы с теми, кого веками грозились прижать к ногтю. Не верь посулам императора, государь. Даже змеи ведут себя честнее, чем веспийцы. Люди императора будут

уверять в своей дружбе и преданности, а сами за твоей спиной договариваться с врагами трона, коих немало осталось в королевстве. Не всем понравилось, когда вы заставили кланы изрядно раскошелиться на постройку Великой стены. Многие верят, что и без нее Иберия непобедима.

— Что они могут сделать? — поморщился Последний. — Главных бунтовщиков я давным-давно казнил, а оставшиеся выдали своих родственников в залог верности. Да и кто возглавит этот сброд? А без нового лидера... Думаю, хватит и одного Кормака, чтобы у бунтовщиков не возникло даже мысли о новом предательстве. Ему, кстати, как раз и поручено присматривать за мятежниками. Короче, видения видениями, но стену возведут в срок. Не будь я Ругар Последний, король и повелитель Иберии! А послов я лично проведу на стену, хочу увидеть, как скривятся при виде нашего могущества их лоснящиеся рожи.

Король развернулся на каблуках и уже было направился к выходу, как вдруг замер, будто налетев на невидимую стену.

— Не ходи туда, малыш, не сейчас...

Шепот Трая словно приподнял для него завесу прошлого. Вот он, темноволосый юнец, которому едва минуло пятнадцать зим. Вот Кормак, ехидно смеющийся, гордый оказанной ему честью. Еще бы, скоро он, первым из двух братьев, пройдет тропой избранных, и Лана, несомненно, одарит просящего. Учебные мечи двух наследных принцев сталкиваются с немыслимой скоростью. Более ловкий от природы младший брат в последний момент успеваает парировать очередной стремительный выпад. Внезапно клинок Ругара переламывается пополам, и он, не успев среагировать, получает чувствительный удар по ребрам.

— Вот так, братишка. — Рыжеволосый цинично

сплевывает на землю. — Быть тебе вечно вторым, привыкай.

— Это нечестно! — Голос младшего дрожит от несправедливой обиды.

— При чем тут честь? Ты просто слишком неуклюж для воина. Взгляни на свои руки. Тебе больше подойдет кирка и зубило, а не добрый клинок.

— А зачем тогда ты вчера ночью ходил в оружейную? Мой меч просто так не сломался бы! Я догадываюсь, чьих рук это дело! — С этими словами переполненный гневом Ругар бросился на ухмыляющегося противника, словно тараном снеся его в придорожную канаву.

— Прекратить! — Рев наставника Краина мгновенно отрезвил горячие головы. — Недостойно потомкам Вардана лаяться, будто шелудивым псам. Вашему отцу было бы стыдно, увидь он такое.

— Так пусть научится достойно проигрывать, — выплюнул сломанный зуб Кормак.

— Уймись, гноме, — проворчал, успокаиваясь, Краин. — Думай, кого оскорбляешь. Ругар однажды займет место справа от трона. Твоего трона. Как ты собираешься править, если не можешь поладить даже со своим единоутробным братом? Сколько раз я должен втолковывать в ваши каменные головы, что нет хуже деяния, чем свара между ближайшими родственниками. Клянусь ветреной задницей Нардика, только завтрашний поход к чертогам Ланы не дает мне выпороть ваше высочество. Хотя к тебе, Ругар, это не относится. Десять плетей на конюшне, думаю, немного вправят тебе мозги.

— Но, наставник!..

— Довольно! — Краин снова нахмурился. — Ты виноват не меньше. Прежде чем сотрясать воздух ничем не подкрепленными обвинениями, лучше бы прове-

рял свой меч перед боем. Ладно, на сегодня урок окончен.

Еле скрипнула приоткрытая дверь. Ругар обернулся.

— Лежи-лежи. — Голос Огненного был полон сочувствия. — Слышал я, как вы с братом сцепились.

— Ненавижу его. — Горевшая от плетей спина не давала забыть об утреннем поражении.

— Это зря. Ненависть туманит разум, застит взор, ослабляет внимание. Будь ты поспокойнее, обязательно заметил бы подпил на клинке. Вместо этого ты по своему обыкновению бросился доказывать никому не нужные вещи. Думаешь, твоему отцу есть дело до того, кто из вас двоих достойнее? Вы одинаково дороги Айрику Золотому. Он был рад вашему рождению значительно больше, чем метке пещерной саламандры. Просто Кормак родился пятью минутами раньше, а закон о первородстве без одобрения богов никто в здравом уме отменять не станет.

— А правда, что саламандра помогла найти отцу все главные золотиносные жилы Иберии?

— Ну, — усмехнулся Трай, — не все, конечно. Но десять из пятнадцати наших лучших месторождений за последние годы найдены именно с ее помощью. Ты же помнишь, что лишь владелец золотистой метки получает в дар спутника, во всем послушного воле своего хозяина? А никто не знает гор лучше, чем веками живущая там пещерная саламандра. Что ж, хватит расспросов. — Жрец достал из сумки флакон с бальзамом Аркоса. — Придется немного потерпеть. Вижу, пороли тебя на совесть. Не грусти, ваше высочество. Однажды и ты пойдешь к Огненным вратам.

— Знаю, что пойду, причем скорее, чем ты думаешь! — в запальчивости выкрикнул Ругар.

— Не задумал ли ты туда в одиночку отправиться? — Улыбка жреца вдруг померкла, и его голос поразила принца своей настойчивостью. — Не ходи туда, малыш, не сейчас!

— Я просто прослежу за ними до самых предгорий, — убеждал себя Ругар позднее. Но в глубине души он уже давным-давно все решил. Понукая и без того резвого жеребца, он с каждой минутой нагонял отряд, попасть в который мечтал всей душой. Через три дня этой мечте суждено было осуществиться и изменить судьбу не только нетерпеливого молодого принца, но и всей Иберии.

Артем

— Доспех тебе лучше вообще не снимать, — прочавкал гном, в который раз потянувшись за выпивкой. Они с Артемом сидели в харчевне на небольшом постоялом дворе, который, по словам Ошгана, был тем самым местом, где не задают лишних вопросов.

— Совсем? — растерялся Артем. — Мыться-то как?

— Ну не помоешься пару недель, делов-то. — Разглагольствования гнома были прерваны появлением на столе новой порции мяса, щедро сдобренного пряностями. — Блох завести, думаю, не успеешь. Короче, сиди и не высывайся. А я пока решу, куда девать такого опасного спутника.

— Да что во мне такого опасного?

— Ты пойми, — Полбочки разом опрокинул в глотку целый кувшин эля, с легкостью оправдывая свое прозвище, — почти всех меченых Иберии народ отлично знает. Товар-то штучный. А ты, ко всему прочему, еще и ни капельки не похож на нормального гнома. Вот и выходит, что в лучшем случае ты — веспийский

шпион, а про худшее тебе даже не стоит задумываться. Поживи тут немного, хозяйке уже уплачено, а я тем временем голову крастера скину. За нее, думаю, пару сотен золотых дадут, не меньше. Вот с этими деньгами мы в Аркос и направимся. Есть у меня там старый должник, может провести к самому Траю Огненному.

— Зачем он нам?

— Ну, нам, может, и ни к чему, — вытер Ошган лоснящуюся от мяса и выпивки бороду, — а вот тебе, пожалуй, пригодится. Моя бабка рассказывала, что, когда ее прадед еще под стол пешком ходил, Огненный уже верховным жрецом был. С тех пор немало воды утекло, а Трай не постарел ни капли.

— Меченый? — догадался Артем. — И кто набит?

— Не набит! Он помечен знаком красной черепахи, — педантично поправил гном.

В этот момент двери трактира распахнулись, и в помещение вошли несколько человек, внешний вид и поведение которых резко отличались от сидящих вокруг гномов. Безбородые, смуглые, в чешуйчатых доспехах и латных юбках, с бордовыми плюмажами на шлемах. Металлические поножи, гладиусы и прямоугольные щиты-скутумы завершали общую картину. Сопровождающий их гном, приветливо кивнув хозяйке, указал воинам на большой свободный стол.

— Остальных разместим во дворе, тут, вижу, тесновато сегодня.

— Для послов великого императора могли бы и освободить эту дыру, — недовольно проворчал молодой смазливый воин, осторожно присаживаясь на краешек широкой деревянной скамьи. Жесткие черты его холеного лица искривила брезгливая гримаса.

— Полегче, Невий, — мягко упрекнул его светловолосый пухлощекий человек, поверх красной туники которого была надета белая тога.